

О. И. МОСКАЛЬСКАЯ

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ
В СИНТАКСИСЕ

Одним из наиболее сложных вопросов теории моделирования предложений является вопрос о семантической интерпретации моделей предложения. Известны как многочисленные попытки семантического обоснования моделей предложения¹, пришедшие на смену чисто структурной классификации моделей предложения дескриптивистов², так и серьезная критика этих попыток³ и призывы отказаться от семантической интерпретации моделей предложения.

Главным аргументом, выдвигаемым обычно против семантического моделирования, является то, что семантическая интерпретация структурных моделей слишком часто оказывается в противоречии со значением реального предложения, построенного по соответствующей структурной схеме. Так, Г. Хельбиг иллюстрирует отсутствие параллелизма между структурой реальной ситуации, т. е. того, что должна, казалось бы, выражать семантическая модель, или «логико-грамматический тип» предложения и структурной схемой предложения примерами нем. *Er erleidet eine Krankheit* и *Der Vater handelt*. Первое из них относится, по семантической классификации Г. Бринкмана и по классификации, принятой в функциональной грамматике, к типу акциональных предложений (*Handlungssatz*), так как структурирующий его глагол является двухместным и управляет дополнением в винительном падеже, но с точки зрения реальной ситуации отнюдь не выражает действия. Второе же предложение относится, по той же классификации, к процессуальным предложениям (*Vorgangssatz*) вследствие того, что структурирующий его глагол является одноместным и исключает возможность дополнения. Вместе с тем, именно оно обозначает с точки зрения реальной ситуации

¹ Наибольшей известностью пользуются: классификация В. Г. Адмони, различающая 12 логико-грамматических типов предложения; 4 основных модели предложения Г. Бринкмана, подразделяемые далее автором на множество подклассов на основе семантической группировки глаголов; 9 понятийных схем предложения Г. Глинца; классификация В. Шмидта и других представителей функциональной грамматики. Все больше внимания в последних изданиях своих работ уделяет вопросам семантической классификации предложений и И. Эрбен. См.: W. A d m o n i, *Der deutsche Sprachbau*, 3. Aufl., M.—Л., 1972, стр. 233 и сл.; H. B r i n k m a n n, *Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung*, Düsseldorf, 1962, стр. 523 и сл.; H. G l i n z, *Der deutsche Satz. Wortarten und Satzglieder wissenschaftlich gefaßt und dichterisch gedeutet*, 4. Aufl., Düsseldorf, 1965, стр. 163; W. S c h m i d t, *Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre*, Berlin, 1965, стр. 296 и сл.; J. E r b e n, *Deutsche Grammatik. Ein Leitfaden*, Frankfurt-am-Main, 1968, стр. 119 и сл.; е г о ж е, *Deutsche Grammatik. Ein Abriß*, 11. Aufl., München, 1972, стр. 257 и сл.

² Cp.: C h. F r i e s, *The structure of English*, London, 1952, стр. 75 и сл.; C h. H o c k e t t, *A course in modern linguistics*, New York, 1952, стр. 204; A. S. H o r n b y, *A guide to patterns and usage of English*, London, 1954; P. R o b e r t s, *English sentences*, New York — Chicago, 1961, и др.

³ G. H e l b i g, *Zur Theorie der Satzmodelle*, «Biuletyn fonograficzny», XI, 1971.

действие ⁴. Такое же несоответствие структуры и семантики существует между русск. *Он действует* и *Он испытывает боль*; *Он испытывает боль* и *Он испытывает прибор*.

В подтверждение того, что между структурными и семантическими (или логико-грамматическими, по терминологии В. Г. Адмони) типами предложений отсутствует параллелизм, можно привести и другие, достаточно, кстати, распространенные примеры, когда один и тот же реальный факт, и, соответственно, одно и то же семантическое отношение могут быть выражены предложениями, диаметрально противоположными по своей структуре, — именными и глагольными, двусоставными и односоставными. Например: *Он пьет — Он пьяница*; *Брат учится — Брат учащийся*; *Он умен — Он умный человек*; *Он чувствует озноб — У него озноб — Его знобит* и т. п.

Приводившиеся выше аргументы свидетельствуют, однако, не о невозможности или нецелесообразности моделирования семантики предложения, а лишь о неразработанности вопросов, связанных с методами и критериями семантического моделирования.

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что главным недостатком и главной причиной неудач тех опытов семантического моделирования, которые подвергаются критике в исследованиях последних лет, является то, что во всех соответствующих случаях моделирование производилось на уровне поверхностных структур, в то время как синтаксическая семантика по существу своему должна иметь дело с глубинным синтаксисом. Именно тем, что все семантические классификации производились на основе поверхностных структур, объясняется невозможность согласовать с попытками синтеза структурного и семантического моделирования предложений ни многочисленные, широко известные факты омонимии поверхностных структур, ни регулярные явления синонимии типа приводившихся выше.

Единицей семантического моделирования должна стать не структурная схема предложения, т. е. поверхностная структура, как это имело место в цитированных выше работах, а структура смысла предложения или семантическая модель предложения, так как лишь она является единицей, гомогенной самому понятию семантики.

Структура смысла предложения не дана, как известно, в непосредственном наблюдении. Она воплощается в поверхностной структуре предложения или же, значительно чаще, в нескольких синонимичных поверхностных структурах предложения.

Поверхностная структура предложения представляет собой, таким образом, форму формы, так как структура смысла предложения (это и есть в нашем понимании глубинная структура) сама есть форма, в которую облекается мысль на известном этапе кодирования ее средствами речи. Семантическая модель предложения — это тот или иной стереотип структурирования смысла предложения, посредством которого внутренняя речь переводится в высказывание.

Неоднократно высказывавшееся положение о том, что объектом, на который ориентирована семантическая модель предложения, является

⁴ G. Helbig, указ. соч., стр. 62. Ср. также: P. Hartmann, Einige interessante Züge in natürlichen Sprachvorkommen, «Studium generale», 7, 1966. Видимо, из этих же соображений Г. Бришман во втором издании своей грамматики отказался от деления глагольных предложений на акциональные и процессуальные (Handlungssatz и Vorgangssatz), заменив его более формальным делением по количеству синтаксических позиций замещения, открываемых глаголом (H. Brinkmann, Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung, 2. Aufl., Düsseldorf, 1971, стр. 525).

объективная действительность, — типичные отношения, факты, процессы объективной действительности, — представляется безусловно правильным. Однако формулировки, в которых дается это положение в собственно лингвистических исследованиях, т. е. предполагаемая модель мыслительно-речевой деятельности оказывается весьма упрощенной. Два крайние звена этого сложного и многоступенчатого процесса: стимул для мыслительно-речевой деятельности, исходящий от объективной реальности, и поверхностная структура предложения, т. е. конечный продукт мыслительно-речевой деятельности, представляются как связанные непосредственно, прямой и жесткой связью.

Продуктом ее является отождествление языковой структуры и смысловой структуры предложения⁵, а в работах по генеративной семантике последних лет отождествление языковой структуры и структуры ситуации, создание так называемой грамматики ситуаций⁶. Склонность раскрыть наиболее сокровенные речемыслительные процессы приводит иногда и советских исследователей, отправляющихся, естественно, от совершенно иных философских позиций, также к установлению непосредственной связи между формальной структурой предложения и структурной ситуации и к постулированию одно-однозначного выражения ее в мышлении и языке, хотя бы только в генетическом плане⁷.

Отношения между действительностью, мышлением и языком намного сложнее, чем это часто представляется лингвистам, и вряд ли могут быть раскрыты в настоящее время достаточно полно. Одним из моментов, определяющих сложность этого вопроса, является необходимость учитывать многообразие форм внутренней речи — от наиболее развернутой, когда

⁵ Из называвшихся выше грамматических описаний, включающих семантическое моделирование, наиболее ярко это проявляется в словах В. Г. Адмони: «Не только лексическое значение и обобщенное содержание отдельных слов, словоформ и частей речи отражают реальный мир, реальную действительность, но и грамматическая структура предложения как целостной единицы, форма подлежащего и сказуемого в их взаимосвязи. Поэтому мы называем соответствующие типы предложений, отражающие закрепленные в человеческом сознании отношения объективного мира, логико-грамматическими типами предложений» (W. A d m o n i, указ. соч., стр. 299). Принимая тезис о том, что «определенные отношения действительности, отражаемые нашим сознанием, регулярно передаются совершенно определенными типами предложений», В. Шмидт, который не пользуется еще в цитируемой книге понятием глубинной структуры, здесь же, однако, справедливо замечает: «Тем не менее мы не можем согласиться с о т о ж д е с т в л е н и е м мыслительных структур (Denkstrukturen) и структура предложений, так как это противоречило бы нашему основному пониманию отношения языка и мышления как двух неразрывно связанных, но тем не менее различных общественных явлений, каждое из которых имеет свою специфику» (W. S c h m i d t, указ. соч., стр. 284).

⁶ Связь между отождествлением языковых структур с ситуациями реального мира в современной зарубежной генеративной грамматике с неопозитивизмом, берущим свое начало в лингвистической философии Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, П. Нейрата и др., раскрывает Ф. П. Филин: «С гносеологической точки зрения магия языка коренится в преувеличенном, одностороннем представлении об абсолютном знаке как о чем-то абсолютном, первичном... Мыслительное содержание нашего познания приравнивается к самому бытию. Эти модные идеи (на самом деле они так же стары, как идеализм) широко представлены в разных семиотических направлениях» (Ф. П. Ф и л и н, О некоторых философских вопросах языкознания, «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания» М., 1970, стр. 12).

⁷ На это указывает В. Г. Гак, цитируя «Общее языкознание» (М., 1970, стр. 57): «Все типы предложений, по крайней мере в их генезисе, представляли языковые модели конкретных ситуаций». Однако, критикуя такое решение вопроса об отношении между действительностью, мышлением и языком, В. Г. Гак практически и сам склоняется к тому же взгляду, различая прямые и косвенные номинации, из которых первые «гоморфно отражают действительность», и лишь косвенные номинации не обладают такими свойствами, допуская, например, изменение актантной структуры предложения (В. Г. Г а к, К проблеме соотношения языка и действительности, ВЯ, 1972, 5, стр. 21).

внутренняя речь отличается от внешне выраженной речи только лишь тем, что она произносится «про себя»⁸, до максимально сокращенных и конденсированных форм внутренней речи⁹, к которым, по выражению В. Н. Мороза, отнюдь не применима поговорка «что на уме, то и на языке»¹⁰. Другой фактор, определяющий сложность этой проблемы, заключается в том, что предметы и явления реальной действительности в их бесконечных связях и отношениях отнюдь не пассивно отражаются сознанием человека, а преобразуются им — рассматриваются под каким-то определенным углом зрения, в каком-то определенном отношении, в какой-то определенной связи. В процессе преобразования внутренней речи во внешнюю происходит дальнейшее уточнение угла зрения и редуцирование высказываемого объема понятийного содержания, обусловленное ситуацией общения, «фоновым» знанием, коммуникативной интенцией¹¹. Вследствие этого разные в структурном и лексическом отношении предложения, например, *Лесорубы работают* и *Лесорубы рубят деревья* (1 и 2-й логико-грамматические типы В. Г. Адмони) могут в зависимости от «угла зрения» говорящего служить высказываниями об одной и той же внеязыковой действительности. Смысловая структура этих предложений или, иными словами, семантическая модель каждого из них будет определяться таким образом: 1) наличием в реальной действительности известного факта, отношения, 2) переработкой его и отбором модели кодирования со стороны говорящего в ходе мыслительно-речевого процесса в соответствии с «углом зрения», «ситуацией общения», «фоновым» знанием, коммуникативной интенцией.

Отсутствие прямого соответствия между смысловой структурой (или глубинной структурой) предложения и его поверхностной структурой заставляет отказаться от весьма заманчивого и простого способа верификации семантического моделирования, заключающегося в опоре на формальную (поверхностную) структуру предложения. Отказавшись от отождествления семантической модели и структурной модели предложения, уже нельзя сказать вместе с В. Г. Адмони: «Из классификации становится ясно, что критерий при разграничении логико-грамматических типов предложения формальный. Где нет различий в структуре предложения, там не может быть и речи о какой-либо их грамматической дифференциации»¹². В противовес приведенному выше высказыванию нам придется считаться с возможностью омонимии структурных схем (моделей) предложения с точки зрения семантики, т. е. именно с наличием различных семантических моделей (типов) предложений при отсутствии различных структур; с другой же стороны, с возможностью выражения одной семантической модели предложения несколькими различными формальными (поверхностными) структурами.

Современные семантические школы выдвинули два основных круга понятий, существенных для семантической интерпретации синтаксических структур. Прежде всего — это понятия лексических разрядов слов и семантических маркеров, отражающих релевантные для смысловой интерпретации многозначной фразы дифференциальные признаки лексического значения слова, например, «конкретный предмет — абстрактный предмет», «одушевленный предмет — неодушевленный предмет» и т. п., предпола-

⁸ См.: В. З. Панфилов, *Взаимоотношение языка и мышления*, М., 1971, стр. 65.

⁹ А. Н. Соколов, *Внутренняя речь и мышление*, М., 1968, стр. 101.

¹⁰ В. Н. Мороз, *Об оборотных и полуоборотных высказываниях*, Ташкент 1971, стр. 9.

¹¹ «Общее языкознание», М., 1970, стр. 338 и сл.

¹² W. A d m o n i, указ. соч., стр. 243.

гающие учет лексической дистрибуции и взаимодействия между значением слова и синтаксической структурой¹³.

Возникшие на базе классической генеративной грамматики как первый шаг к сближению генеративной грамматики и семантики, они не потеряли своего значения и с выдвиганием новой отрасли синтаксиса — синтаксической семантики и так называемой генеративной семантики. Ведь семантическая интерпретация таких пар предложений, как *Он испытывает боль* (детерминат — состояние) и *Он испытывает прибор* (агенса — действие — пациент) возможна только при учете лексической дистрибуции сочетающихся в предложении слов, т. е. практически семантических маркеров.

В то же время, давая интерпретацию предложений, построенных по единой структурной схеме, но имеющих различную смысловую структуру, мы не можем обойтись без второго круга понятий, существовавших в эмпирии уже давно¹⁴, но ныне разрабатываемых в связи с понятием глубинного синтаксиса представителями генеративной семантики¹⁵. Речь идет о таких семантико-синтаксических (или понятийных) категориях, как агентивность, аффицированность, адресатность, орудийность и мн. др. Именно в терминах этих категорий может быть описана семантическая структура как предложения, так и словосочетания, т. е. тот или иной пропозиционный концепт.

Третьим источником раскрытия семантики предложения является все более настойчивое обращение современного языкознания к понятиям предикатной логики и выработанной ею классификации суждений. Если такие семантико-синтаксические категории, как агентивность, аффицированность, адресатность, орудийность и др., применимы в первую очередь для анализа пропозиционного концепта предложения и одинаково проявляются в предложениях *Доктор приехал*, *Рабочие строят дом* и в словосочетаниях *Приезд доктора*, *Строительство дома рабочими*, то понятия предикатной логики, например, функция и аргументы, детерминация и реляциональные отношения и др., будучи выработаны на основе анализа суждения, находят все большее применение при семантическом анализе предложения¹⁶. Они особенно приложимы к моделям предложения при изучении соотношения между синтаксической структурой и значением.

¹³ J. J. Katz, J. A. Fodor, The structure of a semantic theory, «Language», 39, 1963; J. J. Katz, P. Postal, An integrated theory of syntactic description, Cambridge (Mass.), 1964.

¹⁴ Имеются в виду теория падежей и отчасти теория залогов.

¹⁵ Ch. Fillmore, The case for case, «Universals in linguistic theory», New York, 1968; егo же, Types of lexical information. Semantics, «An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology», ed. by D. D. Steinberg and L. A. Jakobovits, Cambridge, 1971; G. Lakoff, Instrumental adverbs and the concept of deep structure, «Foundations of language», 4, 1968; J. D. McCawley, The role of semantics in a grammar, «Universals...»; егo же, Concerning the base components of a transformational grammar, «Foundations...», 4, 1968; W. L. Chafe, Meaning and the structure of language, Chicago — London, 1970; H. E. Brekle, Generative Satzsemantik und transformationelle Syntax im System der englischen Nominalkomposition, München, 1970, и др.

¹⁶ См., например: F. Schmidt, Logik der Syntax, Berlin, 1962; егo же, Symbolische Syntax, Halle (Saale), 1970; O. Næs, Versuch einer allgemeinen Syntax der Aussage, «Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik» hrsg. von H. Moser, Darmstadt, 1965; E. Albrecht, Sprache und Erkenntnis, Logisch-linguistische Untersuchungen, Berlin, 1967; G. Klaus, Moderne Logik, Berlin, 1964; W. Segeth, Elementare Logik, Berlin, 1966; Ch. Serres, Le parallélisme logico-grammatical, Paris, 1933; R. Carnap, Logische Syntax der Sprache, Wien, 1934; W. V. Quine, Methods of logic, London, 1952; егo же, From a logical point of view, New York, 1961; G. Ryle, The concept of mind, London, 1949; С. К. Шаумян, Генотипический язык и формальная семантика, «Проблемы структурной лингвистики 1971», М., 1972.

С идущим из логики делением предложений на детерминирующие и реляциональные¹⁷, основанном на классификации суждений на атрибутивные суждения и суждения отношения¹⁸, записываемые формулами $P(x)$ и xRy или $R(xy)$, конкурирует эмпирическая классификация предложений генеративными семантиками по характеру предиката на статальные, процессуальные и акциональные (state, process и action, в терминологии В. Чейфа)¹⁹. Как видно из примеров, приводимых представителями логического синтаксиса²⁰, деление предложений на детерминирующие и реляциональные не совпадает с основным разграничением предложений по структурному признаку на именные и глагольные. Напротив, В. Чейф относит к статальным предложениям именные предложения, например, англ. *The wood is dry; The elephant is dead; It's hot*, глагольные же предложения делит на процессуальные, например, англ. *The wood dried; The men laughed; She died; It's raining* и акциональные, например, англ. *She sang; Harriet broke the dish*. «Природа глагола, — пишет Чейф, — определяет характер остального состава предложения, так как она определяет, какие имена будут сопровождать глагол, каковы будут отношения этих имен к глаголу и какова будет семантическая типология этих имен. Так, предположим, что глагол по своей природе обозначает действие (action) как, например, в предложении *The men laughed*. Такой глагол предопределяет сочетание с именем, а также то, что имя будет являться по отношению к нему агенсом, что оно будет относиться к разряду одушевленных, и, возможно, антропонимов»²¹.

Характерным для семантического моделирования является, однако, то, что логический анализ не ограничивается определением типологии предиката, а включает, кроме этого, анализ того отношения между предикатом и всеми актантами (или, по терминологии предикатной логики, аргументами), которое, собственно, и конституирует предложение. Дела не меняет характер записи этого отношения R . Она может быть словесной²² или же производиться в терминах символической логики²³. Что же касается самой классификации этих отношений, то имеющиеся опыты анализа в значительной мере повторяют, как уже указывалось, понятия, разработанные в теории падежей и в теории залогов. Так, Т. П. Ломтев выделяет следующие виды отношений или «функций предмета» и обозначает их следующим образом²⁴: a_1 — функция производителя действия (*Птица поет*); a_2 — функция производителя действия с наличием специального момента независимости действия от воли производителя действия (*Ему не спится*); a_3 — функция объекта прямого воздействия (*Он писал письмо*); a_4 — функция объекта косвенного воздействия (*Они аплодировали артисту*); a_5 — функция орудия или средства воздействия на другой предмет (*Он писал письмо карандашом*); a_6 — функция места двухмерного про-

¹⁷ Ср.: F. Schmidt, *Symbolische Syntax...*, стр. 24; Г. В. Кошанский, *Логика и структура языка*, М., 1965, стр. 145; О. Нэз, указ. соч., стр. 283 и сл.

¹⁸ В. З. Панфилов, указ. соч., стр. 98 и сл.

¹⁹ W. Chafe, указ. соч., стр. 98 и сл.

²⁰ Ср. примеры Ф. Шмидта (F. Schmidt, *Symbolische Syntax...*, стр. 24). К первому типу Шмидт относит предложения *Bagdad ist eine Großstadt; Babylon feierte; Der Phoenix war ein Vogel*; ко второму типу — *Die Babylonier zerstörten Ninive; Im Dreieck ist die Summe zweier Seiten größer als die dritte*.

²¹ W. Chafe, указ. соч., стр. 97

²² Ср. цитированные работы В. Чейфа, Ч. Филлмора.

²³ См., например, цитированные выше работы Ф. Шмидта, Г. Брекле, О. Неса. См. также: Т. П. Ломтев, Описание структуры предложения на основе его функционального представления, «Slavia», 3, 1965; M. Bierwisch, F. Kiefer, Remarks on definitions in natural languages, «Studies in syntax and semantics», ed. by F. Kiefer, Dordrecht, 1969.

²⁴ Т. П. Ломтев, указ. соч.

странства (*Он поехал в Ленинград*); a_7 — функция места трехмерного пространства (*Он вошел в комнату*).

Отношения агенса, пациенса, инструмента действия выделяются всеми исследователями. Ч. Филлмор предлагает следующий перечень функций аргументов предиката²⁵: *A* — агентив, *C* — контрагентив, вопреки которому совершается действие, *O* — объектив, *R* — результатив, *I* — инструмент; *S* — источник (source, например, «знание» при англ. *teach* и *learn*); *E* — реципиент (experiencer, в первоначальной классификации «датив»). Кроме этих функций, Филлмор указывает на локальные и темпоральные уточнители, необходимые при глаголах движения, местонахождения, длительности действия и т. п.

Сходна, хотя и не совпадает с приведенной выше, и классификация отношений, предлагаемая Чейфом²⁶. Как видно из приведенных перечней, они не полны, не совпадают во многих деталях и нуждаются в дальнейшем уточнении.

Как сложно переплетаются структурные и семантические модели предложений, видно на примере двусоставных глагольных предложений, отличающихся обилием структурных моделей.

Так, структура $N_1 - Vf$ объединяет в себе предложения *Он спит* и *Он косит*, из которых первое является стательным, а второе собственно детерминирующим. Детерминирующими являются и трехкомпонентные предложения *Он испытывает голод = Он голоден*, нем. *Sie hat rotes Haar = Sie ist rothaarig*, построенные по модели $N_1 - Vf - N_4$, в отличие от нем. *Er hat eine Schwester; Das Zimmer hat drei Fenster*, выражающих адресатно или локально детерминированную бытийность. Те и другие отличаются от построенного по той же модели $N_1 - Vf - N_4$ акционального агентивно-объектного предложения *Он приобрел собаку*. Но и это предложение отличается от предложения *Вопрос приобрел актуальность (= стал актуальным)*, где переходность и вместе с ней акциональность сведены на нет переносным употреблением того же глагола.

Из предложений, построенных по модели $N_1 - Vf - N_4$, т. е. той модели, которая дает классические формы агентивно-объектных акциональных предложений типа *Рабочие строят дом*, смыкаются с двусоставными именными предложениями, в данном случае с реляциональными классифицирующими предложениями, такие предложения, как *Каждое выступление ансамбля означает новый триумф (= является новым триумфом)*; *Продукция этого завода составляет важный предмет нашего экспорта (= является важным предметом нашего экспорта)*.

Таким образом, среди двухкомпонентных глагольных предложений, построенных по модели $N_1 - Vf$, наряду со стательными и процессуальными, можно найти и собственно детерминирующие. Ср. *Он спит; Он действует; Он косит/хромает/пьет*. Подлежащее их является агенсом в акциональных предложениях, детерминатом в стательных и детерминирующих. Их формула всегда $P(x)$, которая может быть детализирована как 1) $P(x)$, 2) $P_{stat}(x)$, 3) $P_{proz}(x)$. К процессуальным предложениям относятся и предложения, построенные по модели $N_1 - Vf_{pass}$, например, *Был выслан дозор*. При общей формуле $P_{proz}(x)$ подлежащее его — пациенс; таким образом, в третьем подвиде следует различать: $P_{proz}(x_{ag})$ и $P_{proz}(x_{pat})$.

Точно так же среди трехкомпонентных предложений, построенных по модели $N_1 - Vf - N_4$, наряду с типичными для этой модели агентивно-

²⁵ Ch. Fillmore, Types of lexical information...

²⁶ W. Chafe, указ. соч.

объектными акциональными предложениями, выше приводились предложения процессуальные, адресатно-бытийные, а также перекликающиеся с именными детерминирующие и классифицирующие. Ср. *Он приобрел собаку; Вопрос приобрел актуальность; Он испытывает голод; Каждое выступление ансамбля означает новый триумф.* Соответственно они могут быть записаны как: 1) $R(x_{ag}, y_{pat})$, 2) $P_{proz}(x)$; 3) $P(x)$, 4) $x \in K$.

Не вполне ясен вопрос о двусоставных глагольных предложениях, в структурную схему которых в качестве третьего обязательного компонента входит не объектный, а обстоятельственный компонент, например, *Он живет в Киеве; Мать пошла делать покупки.* Трактовка этих предложений зависит от того, насколько широко понимается аргумент²⁷. Согласно О. Несу, аргументами в глагольном предложении считаются не только все собственно предметы, но также локальные определители, темпоральные определители (не только эксплицитные, но и имплицитно присутствующие во временной форме глагола), а также указания на инструмент, образ действия и т. д.²⁸. С логической точки зрения, вопрос заключается в том, можно ли считать, что в подобных предложениях предикат устанавливает отношение между агенсом и обстоятельством места, образа действия, цели, т. е. имеет ли здесь место формула xRy , где $y = loc., mod., fin.$, или же предикат и обстоятельственный компонент вместе детерминируют аргумент x , т. е. $P_{loc}(x)$, $P_{mod}(x)$, $P_{fin}(x)$. В данной статье подобные предложения рассматриваются как процессуально-обстоятельственные детерминирующие предложения, т. е. в соответствии с последней формулой.

Однако среди предложений с третьим обстоятельственным компонентом следует выделить в отдельный семантический тип предложения с глаголом *быть* (*Была однажды девочка*) и более специальными глаголами *лежать, стоять, висеть, находиться* (*На поле лежит снег; На стене висит картина* и т. п.). Это бытийные предложения, какие встречаются и среди других структурных типов моделей предложения.

Собственно реляциональными среди двусоставных глагольных предложений являются трех- и четырехкомпонентные модели с одним или двумя объектными членами в правой части модели. Наибольшее внимание исследователей привлекают к себе уже упоминавшиеся выше предложения, построенные по модели $N_1 - Vf - N_2$. Формула xRy реализуется здесь весьма часто как отношение между агенсом и объектом- пациенсом (*Лесорубы рубят деревья; Он читает роман/пишет статью*). Г. Бринкман указывает на трансформабельность их в двусоставные пассивные предложения как на критерий подлинной переходности действия. Однако сходные агентивно-объектные отношения могут передаваться и другими структурными типами предложения, которым не свойственна трансформабельность в двусоставную пассивную конструкцию, например, предложениями, имеющими в правой части структурной схемы компонент $N_{2...}$ или $pN_{2...}$ с объектным значением (*Грабители завладели кладом; Я долго стучал в дверь*).

Наличие в структурной схеме компонента N_3 обычно связывается с отношением адресованности действия лицу, если N_3 — антропоним

²⁷ Так, Т. П. Ломтев, широко используя понятия предикатной логики, ограничивается теми случаями, когда в качестве аргументов выступают имена — названия предметов, и не рассматривает вопрос об обстоятельствах (см.: Т. П. Ломтев, Принцип отражения и его значение для теоретической грамматики, «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970, стр. 277; ср. также: С. К. Шау-мян, указ. соч.).

²⁸ О. Несу, указ. соч., стр. 303 и сл.

(*Он кивнул приятелю; Вы мне помогли*), или ориентированности действия на какой-либо конкретный или отвлеченный предмет (*Я доверился Вашему совету*), т. е. $R(x_{ag} y_{adr})$.

В четырехкомпонентной модели акционального предложения выражаются сходные с описанными выше отношения между тремя аргументами. Это могут быть: а) агентивно-объектно-адресатные предложения, имеющие структуру $N_1 - Vf - N_3 - N_4$, или сходные по значению с компонентом N_4 компоненты $N_{2...} pN_{2...}$ (*Автор посвятил книгу своей жене; Ученый рассказал слушателям о своих новых исследованиях*); б) агентивно-двухобъектные предложения (*Мы сравнили старый договор с новыми обязательствами*); в) агентивно-адресатно-орудийные предложения (*Он угрожал противнику пистолетом*). Соответственно эти отношения могут быть записаны как $R(x_{ag} y_{pat} z_{adr})$, $R(x_{ag} y_{pat} z_{pat})$, $R(x_{ag} y_{adr} z_{instr})$.

В то же время понятие акциональности далеко не исчерпывает проблемы типологии реляциональных предложений. Оно наиболее приложимо к предложениям, имеющим в качестве сказуемого глагол, выражающий конкретное действие и употребленный в прямом значении. Повторяя формально те же структуры, предложения *Он принял это известие трагически; Он пользуется доверием товарищей* не могут быть отождествлены по характеру отношения между аргументами с предложениями, где данные структуры передают конкретные агентивно-объектные отношения, например, *Он принял подарок радостно; Он пользуется вечным пером*. Речь может скорее идти об абстрактной реляциональной семантической модели, где характер отношения между аргументами относится к сфере идеального (взаимоотношения между людьми, отношение субъекта к реальному или идеальному объекту). Соответственно и отношению R может быть дифференцировано для предложений *Он пользуется вечным пером* и *Он пользуется доверием товарищей* как 1) $R_{akt}(x_{ag} y_{pat})$ 2) $R_{abstr}(x_{ag} y_{pat})$.

Особую группу среди предложений, построенных по модели $N_1 - Vf - N_4$, образуют в семантическом отношении такие предложения, где Vf — глагол чувственного восприятия, например, *Я слышу звонок, Он меня узнал*. Здесь отношение между аргументами может быть охарактеризовано как отношение восприятия (рецепции), а сами аргументы как реципиент и объект рецепции (но не объект — пациент). Аналогично при глаголах мысли (*Я забыл правило; Я думаю о нашем разговоре*).

О том, что ни в предложениях абстрактно-реляционального типа, ни в предложениях рецепции нет значения подлинной акциональности, свидетельствует не только то, что большинство из них характеризуется нетрансформабельностью в пассивную конструкцию, но и прежде всего то, что отношения между аргументами в этих предложениях несводимы к агентивно-объектным. В одних случаях это выражается в конверсивности аргументов в рамках действительного залога, что говорит об их равноправии: *Он пользуется доверием товарищей* → *Товарищи доверяют ему*. Чаше же в синонимии типа: *Ему вспомнилось детство* = *Он вспомнил детство*; *Мне снился сон* = *Я видел сон* и т. п. Отвлечение от различной поверхностной структуры сравниваемых синонимичных пар предложений позволяет утверждать их тождественность в семантическом плане: во всех парах одушевленное лицо (обычно антропоним) выступает как реципиент чувственного образа или идеального раздражителя (впечатления, мысли), т. е. фактически как смысловой субъект, характеризуемый с точки зрения его активности/инактивности как деми-пациент, второй же актант — как предмет чувственного восприятия или мысли — посылатель раздражения или деми-агент. В символах отношения между аргументами в предложениях *Ему вспомнилось детство* = *Он вспомнил детство* могут быть переданы как 1) $R_{rez}(x_{dem-pat} y_{dem-ag})$, 2) $R_{rez}(x_{dem-ag} y_{dem-pat})$.

Отношения деми-агенса — пациенс характеризуют недвусоставные глагольные предложения типа *Старика убило громом; Рекой унесло лодку*²⁹.

Все трех- или четырехкомпонентные модели со сказуемым Vf_{pass} , имеющие два и более аргументов, являются реляциональными предложениями. В отличие от предложений со сказуемым Vf , они имеют не акциональную, а процессуальную семантику, поскольку подлежащее их — пациенс. Они распадаются на процессуальные объектно-адресатные (*Докладчику был задан вопрос*), объектно-орудийные (*Город был разрушен землетрясением*), а также объектно-агентивные и объектно-адресатно-агентивные (*Книга была посвящена автором его жене*).

Подытоживая описание семантических моделей двусоставных глагольных предложений, отметим прежде всего, что среди них имеются как детерминирующие, так и реляциональные (преобладающий тип) и бытийные предложения. Всего нами выделены в предварительном порядке следующие типы семантических моделей:

I. Детерминирующие предложения, среди них — собственно детерминирующие, статальные, и статальные обстоятельство-детерминирующие, а также процессуально-детерминирующие.

II. Реляциональные предложения, среди них — акциональные агентивно-объектные, агентивно-адресатные, агентивно-объектно-адресатные, агентивно-двухобъектные, агентивно-адресатно-орудийные и агентивно-объектно-целевые; процессуальные объектно-адресатные, объектно-агентивные или объектно-адресатно-агентивные, объектно-орудийные, абстрактно-реляциональные, реляциональные предложения рецепции.

III. Бытийные предложения, среди них бытийные темпорально, локально, адресатно детерминированные.

Список этих семантических моделей, видимо, неполон и нуждается в дальнейшей проверке. Несомненно, однако, что так же, как для каждого языка существует конечный ряд структурных схем (моделей) предложений, существует, но не выявлен пока полностью и не исследован на соотношение универсального/специального, конечный ряд семантических моделей предложений.

Главным методом семантического моделирования следует признать метод логического анализа, которым широко пользуются современная синтаксическая семантика и логический синтаксис.

Это не означает, однако, что для подтверждения правильности данных логического анализа невозможна также экспериментальная проверка. Одним из главных способов экспериментальной проверки логического построения семантической модели предложения является метод перифразирования, основанный на множественности способов выражения мысли. Ср., например, перифразы: *Он болеет — Он болен; Он пьет — Он пьяница; Его знобит — У него озноб*. Релевантной для верификации логически построенной семантической модели всего синонимического ряда перифраз является перифраза, имеющая наиболее типичную для соответствующей семантической модели структуру. Так, в синонимическом ряду *Он пьет — Он пьяница* релевантной для модели детерминирующего предложения является структура двусоставного именного предложения $N_1 \text{ cor } N_1$; в синонимическом ряду *Он болеет — Он болен* релевантной для модели статального предложения является также структура двусоставного именного предложения.

²⁹ См.: П. А да м е ц, В. Г р а б е, Трансформация, синтаксическая парадигматика и члены предложения, «Slavia», 2, 1968.

Другим методом экспериментальной проверки логического анализа являются грамматические модификации одного из компонентов модели — проверка на совместимость семантического и грамматического значения. Так, для разграничения омонимичных с точки зрения семантической модели предложения поверхностных структур *Он испытывает прибор* и *Он испытывает боль*, построенных по схеме $N_1 - Vf - N_2$, может быть применена пассивная трансформация, приложимая только к первому из этих предложений, имеющему семантическую структуру: агенс — действие — пациент, и неприменимая к статальным предложениям. Субституция определенного/неопределенного (нулевого) артикля позволяет разграничить в немецком языке подвиды двусоставных именных предложений. Ср. *Er ist ein Mörder* (квалифицирующее предложение) — *Er ist der Mörder* (предложение тождества); *Er ist ein Schwärmer* (квалифицирующее предложение, указывающее на свойство) — *Er ist Arzt* (квалифицирующее предложение, указывающее на род профессиональной деятельности).

Наконец, одним из видов экспериментальной проверки семантических моделей является и включение в контекст. Так, В. Чейф применяет для разграничения статальных, процессуальных и акциональных предложений включение соответствующих предложений в вопросно-ответное единство. По его словам, нестатальные предложения могут быть отличены от статальных на основании того, что они отвечают на вопрос: «Что произошло?», «Что происходит?». Так, предложение англ. *It's raining* относится им не к статальным, а к процессуальным потому, что оно может служить ответом на вопрос «*What's happening?*»³⁰.

Не могут быть еще сформулированы сколько-нибудь полно и те правила лексической дистрибуции, которые, как видно из приведенных примеров, могут и должны быть инвентаризованы.

Таким образом, приемы экспериментальной проверки логического анализа, — здесь лишь намеченные, — нуждаются в дальнейшем исследовании и позволят со временем все больше формализовать семантический анализ предложения. Даже немногие приведенные здесь способы формализации семантического моделирования заставляют считать всего лишь фразой высказывания о том, что семантический синтаксис отражает только содержательные связи и «игнорирует различия в грамматическом оформлении»³¹. Отрицаться может и должно лишь совпадение глубинной смысловой структуры и поверхностной структуры предложения. Новые же, принципиально иные формальные признаки смысловых структур, безусловно, следует искать.

Принцип автономности семантики по отношению к грамматике — лишь вывернутый наизнанку антиментализм классического структурализма. Семантический синтаксис и синтаксис поверхностных структур — два тесно связанных аспекта описания предложения, так как речь идет о двуединстве содержательной и формальной стороны синтаксических единиц, т. е. о взаимоотношении двух сторон сложного лингвистического знака.

³⁰ W. L. Chafe, указ. соч., стр. 18.

³¹ А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, О семантическом синтезе, «Проблемы кибернетики», 19, М., 1967, стр. 183.